

ДНЕВНИК ЯГИ

Миланя Снегирь

Милания Снегирь

Дневник Яги

«Автор»

2026

Снегирь М.

Дневник Яги / М. Снегирь — «Автор», 2026

Обычная современная жизнь заканчивается в тот момент, когда в руки Яры попадает потрепанный дневник. Теперь она — Яга. В придачу идут говорящий фамильяр Баюн, долг перед Мирозданием и просыпающаяся пугающая сила. Пока Яра пытается принять новую реальность, вокруг нее начинается закручиваться опасная игра. Внимание привлекательного Антона льстит, но приносит сплошную тревогу и ложь. А встреча с соседом Ильей и вовсе переворачивает душу. Мужчина уверен, что они давно знакомы. Яра не помнит его, но сердце бьется быстрее от одного его взгляда. Их связь скрывает глубокую тайну. Кто-то охотится за древней властью, выпуская в мир смертоносных тварей. Сможет ли неопытная ведьма вовремя обуздать свой дар, отличить правду от смертоносной лжи и не потерять того, к кому ее неудержимо тянет?

© Снегирь М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Купальская ночь и другие неприятности	6
Глава 2	16
Блины, мечи и трудности перевода	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дневник Яги

Глава 1

Купальская ночь и другие неприятности

Завет Хранительнице

Выдержка из Дневника Яги

Страница 1. Приветствие (Завет Хранительнице)

Здравствуй. Если ты открыла этот фолиант, твоя прежняя жизнь завершилась.

Печать сорвана. Ты — Яга.

Не ищи в этих записях порядка и оглавлений. Мы вписывали сюда заговоры, рецепты и страшные тайны второпях: измазанными в саже руками, на колене, при слабом свете лучины или в зареве горящей нечисти. Здесь собран опыт сотен жизней. Наш опыт. Твой опыт.

Твоя задача — держать Кромку. Мир Нави жесток, мир людей хрупок. Держи границу твердо. Не кланяйся высшим богам, не давай спуску бесам. В этом лесу твоя воля — единственный закон.

Читай. Учись. Выживай. И обязательно дополняй этот талмуд. Вписывай свои победы, ошибки и новые заклятия для тех, кто придет после.

[Пометка в самом низу страницы крупным, размашистым почерком]: И слушай кота. Баюн ворчлив, хитер и требует слишком много мяса, но преданнее союзника во всех мирах не существует.

Ощущаю вкус крови на губах. Воздух дерет горло наждачкой, а ветки хлещут по лицу так самозабвенно, будто я им лично задолжала крупную сумму. Отмахиваться некогда. Потеряю секунду на защиту — сбавлю скорость, а скорость сейчас — это единственное, что отделяет меня от крайне неприятного знакомства с тем, кто дышит в спину.

Просто бегу.

Лес злой. Ощущаю это кожей. Он намеренно подкидывает корни под ноги, играет со мной в «а ну-ка, упали». И я падаю. Лечу в грязь, ладони ободраны до мяса, а в голове пульсирует только одна мысль: «Потерпи, дорогая, скоро все закончится». Жгучая боль простреливает до локтей, но я вскакиваю. Стоит замешкаться, и эта гостеприимная земля проглотит меня целиком и не подавится.

Что-то хрустит. Совсем рядом. Мышцы рефлекторно бросают тело вперед — ускоряюсь, хотя, кажется, быстрее уже некуда. Сзади слышатся шаги. Тяжелые. Рваные. И совершенно не в такт моим. В нос бьет такой гнилостный смрад, что становится ясно: тварь не просто догоняет, она уже выбирает гарнир.

Липкая паника ледяной волной поднимается от желудка к горлу. Жестко давлую ее. Эмоции сейчас — это непозволительная роскошь, они убивают.

Впереди вырастает черная стена из деревьев. Стволы намертво сплелись ветвями, образовав идеальный тупик. Влетаю прямо в них по инерции. Колючки впиваются в плечи, разрывают кожу, и я наконец осознаю: приплыли. Где-то должен быть просвет, ну хоть крошечный! Ощупываю кору, сдирая ногти. Ничего.

Я в ловушке. Ужас парализует тело, пригвозждает к месту. И такая тишина вдруг наступила... звенящая, мертвая. Лес замер, выжидает финала. Только сердце колотится о ребра так, что больно грудине.

— Марика?.. Ребята? — голос срывается на жалкий хрип.

Глупо, конечно. Надеяться на злой розыгрыш в такой момент — это мой особый вид оптимизма.

Темнота жадно глотает слова. А затем из мрака раздается влажный, чавкающий лязг. Почва под ботинками начинает мелко вибрировать, будто под землей кто-то очень большой

решил перевернуться на другой бок. В черноте вспыхивают два желтых огня. Смотрят снизу вверх. Не мигая.

Страх? Нет, это уже не страх, это какое-то первобытное оцепенение. Желтых огней становится больше. Пара. Потом еще пара. Десятки светящихся точек зажигаются вокруг. Насчет «окружили» я, кажется, погорячилась — это что-то одно. Цельное. Огромное. И оно явно не настроено на дружескую беседу.

Тьма впереди вспучивается. Поднимается громадная, косматая гора мха и шерсти, отрезая последний путь к небу. В лицо бьет могильный холодный ветер. Ощущаю себя мелкой песчинкой, которую сейчас просто сдует с лица земли. В голове пустота.

Но сквозь морок вдруг проступает маленькое старческое лицо. Вот уж чего не ожидала. Морщины глубокими рытвинами прячутся в тенях, а узловатые пальцы медленно тянутся к моему лбу. От них веет таким холодом, что кажется, само время остановилось.

— Нет, — шелестит голос сухой листвой, — еще рано...

Рассудок решает, что с него хватит, и я с благодарностью проваливаюсь в спасительное небытие.

Кто-то грубо трясет меня за плечи.

— Яра! Очнись! Что с тобой?!

Голос Марики бьет по ушам, возвращая в реальность. Я резко втягиваю воздух, словно меня только что вытащили из-под воды. Трещит костер. Поляна. Обычное ночное небо. И перепуганные лица друзей, которые смотрят на меня так, будто я только что исполнила танец маленьких лебедей на углях.

— Тоха, звони в скорую! У нее припадок! — Полина уже судорожно роется в сумке.

— Не надо скорую, — хриплю я, заставляя себя сесть ровно.

Пальцы ледяные и дрожат, но я упорно тру виски.

— Я просто... задумалась. Перегрелась у огня. Бывает.

Антон растерянно хлопает себя по карманам. Мы же сами договорились — никакой связи в Купальскую ночь, все телефоны в коробке. Иронично. Я сижу на бревне и незаметно рассматриваю ладони. Гладкая кожа. Ни крови, ни грязи под ногтями. Но ведь секунду назад я чувствовала, как сдираю ногти о кору!

В последнее время эти провалы стали моими постоянными спутниками. Раньше обходилось мгновенными вспышками: чищу зубы — бац, стою в лесу со щеткой. Теперь аппетиты моих глюков явно выросли. Бабушка-знахарка рассказывала про «сон наяву», но я всегда считала, что травки и заговоры — это просто ее способ скоротать время на хуторе.

Похоже, я рано радовалась, что гены обошли меня стороной. Судя по всему, я просто-напросто схожу с ума, аккурат по семейному графику. Наследственная шиза постучалась в двери, а я, как дура, открыла.

— По-моему, у девочки окончательно поехала крыша, — громко тянет Света.

Моя персональная заноза. И по совместительству девушка Антона. Того самого Антона, по которому я тихо сохну лет с пятнадцати, словно у меня в жизни других проблем мало. Мало мне собственных жутких глюков, так надо еще выслушивать её яд. А яд у Светланы всегда свежий, высшего сорта.

Полина все еще тревожно сжимает мой локоть — видимо, проверяет, не собираюсь ли я снова впасть в ступор. Марика стоит, скрестив руки на груди, и ждет объяснений. Вид у неё такой, будто я сорвала ей как минимум торжественный прием, а не посиделки у костра. Остальные потихоньку рассасываются — кто за выпивкой, кто просто подальше от «ненормальной». Ну да, сумасшествие ведь заразно, это все знают.

— Нашел! — Антон победно вскидывает контейнер с телефонами.

Я вздрагиваю от его слишком громкого голоса.

— Отбой со скорой, — жестко перехватывает инициативу Марика, не сводя с меня глаз.
— Она в норме.

Я утыкаюсь взглядом в свои кроссовки, лишь бы ни на кого не смотреть. Праздник испорчен, и винить в этом, кроме собственной поехавшей крыши, решительно некого.

На телефоне Антона мигают нули. Полночь. Час моего рождения.

— С днем рождения! — вдруг взрывается тишина многоголосым воплем.

Ребята разом вскакивают, Стас начинает бешено дудеть в какую-то пластиковую сопелку, а Марика с Полиной обрушиваются на меня с объятиями. В лицо летят конфетти, кто-то хлопает по плечу, Антон протягивает стаканчик с чем-то шипучим.

— Ну, Ярка, расти большая! — орет Стас, пытаюсь поднять меня на руки.

Я выдавливаю из себя улыбку, чувствуя, как лицо заливают краской. Мне до судорог неловко под этим прицелом радостных глаз. Хочется сжаться, исчезнуть, провалиться сквозь землю — только бы они не смотрели так выжидающе, требуя ответного восторга.

Отец всегда любил говорить, что Купальская ночь определила мою судьбу. Знал бы он, как именно она её определила. Мама умерла в этот же день, навсегда превратив мой праздник в поминки, так что нормального веселья в моей жизни было катастрофически мало. Отчасти поэтому я и вытащила ребят сюда, к хутору покойной бабушки. Надеялась, что здесь будет спокойно, и мне не придется разыгрывать роль счастливой именинницы. Наивная.

Костер трещит, выплевывая искры. Ветер шевелит ветви старых ив. Пахнет дымом и сырой травой. Ребята молчат, кто-то до сих пор косится на меня. Нужно срочно ломать этот лед, пока меня окончательно не списали в утиль.

— А как же прыжки через огонь? Традиция! — вдруг орет кто-то из парней.

Я поспешно, почти дергано стягиваю волосы в узел.

— Чур я первая!

Голос звучит слишком звонко. Искусственно. Подруги снова переглядываются — моя внезапная бодрость пугает их еще больше. Но Стас уже дурачится, отвешивая мне шутовской поклон:

— Дамы вперед, леди Яра!

Беру разбег. Отталкиваюсь. Жар бьет в лицо, пламя лижет подошвы кроссовок. На одну короткую секунду я чувствую абсолютную пустоту в голове. Никаких темных лесов. Никаких чудовищ. Только горячий воздух и гравитация. Я нормальная. Точно вам говорю.

Идем к озеру. Маленький темный водоем прячется в кольце раkitника. Ребята шумно спорят, кто полезет в воду первым.

— Все тут, кроме Светланы с Антоном, — Марика оглядывается. — Какая неожиданность. Просто сюрприз века.

Стискаю челюсти так, что зубы скрипят. Надо молчать. Просто молчать.

— Яр, ты как? — Полина осторожно трогает меня за рукав.

— Двадцать лет бывает раз в жизни! — Марика тычет меня локтем в бок. — Хватит киснуть. Оторвись! И только не говори, что все еще сохнешь по Антону. Подумаешь, красавчик.

Глубокий вдох. На то, чтобы защищаться, нет ресурса. Надо просто сбить фокус.

— Последний тащит обратно все шмотки!

Рвусь к воде прямо в шортах и майке. Остальные с воплями бросаются следом. Ледяная вода обжигает кожу, вышибает воздух из легких. Брызги, визг, хохот. Полина топчется на берегу, не решаясь зайти глубже щиколотки.

Убираю мокрые волосы с лица. Оглядываюсь. Чего-то не хватает. Точнее — кого-то. Там, где секунду назад бесился Стас, теперь только гладкая черная вода. Ни кругов. Ни пузырей. Тишина.

— Ребята... Где Стас?

Мой голос звучит слишком тихо, но смех почему-то сразу обрывается.

— Стас! Стасян!!!

Мы ныряем. Раз за разом. Я судорожно шарю по мутному дну, цепляя пальцами скользкие стебли водорослей. В легких жжет. Мы обшариваем мелководье и каждый куст. Ничего. Как сквозь землю провалился.

Вылезаю на берег. Иду вдоль кромки к зарослям камыша — оттуда доносится тихий, равномерный плеск. Полина жметя ко мне, мелко дрожит. Сквозь стебли я замечаю их. Две девушки. Плавают у самых корней. Кожа отликает бледным светом, длинные зеленые волосы стелются по воде. Они лениво покачиваются и смотрят прямо на меня. Мозг буксует. Розыгрыш?

Делаю шаг вперед, хрустнув веткой. И морок слетает. Лица искажаются. Серая кожа натягивается на острые скулы. Вместо губ — сплошной ряд мелких зубов. Пустые рыбы бельма смотрят на меня с абсолютным, первобытным голодом. Доля секунды — и твари беззвучно уходят под воду. Гладь смыкается. Ни всплеска.

— Мавки... — шепчу я.

— Что? Русалки?! — Полина вцепляется мне в плечо. — Яр, не до шуток сейчас...

Меня трясет. Папа столько лет таскал меня по психологам, убеждая, что чудовища — это просто детские травмы. Я почти поверила, что нормальная. Но они настоящие. И они только что утащили Стаса. Резко разворачиваюсь, перехватывая руку Полины.

— Поля, давай к остальным. Живо.

Выбегаем к машинам. Кто-то уже всю терзает мобильник, вызывая спасателей. В салоне одного из внедорожников обнаруживается Света — спит себе безмятежно и ровно, пока мир вокруг рушится. Антона нигде нет, что характерно. Распахиваю дверцу и с чувством глубокого неудовлетворения трясусь Свету за плечо.

— Че надо, психичка? — она шурится, злая, сонная и традиционно невыносимая.

Внутри вскипает вполне здоровое желание вмазать по этому красивому, надменному лицу. Сжимаю кулаки. Медленный выдох через нос. Не сейчас, Яра, держи марку.

— Где Антон?

— Ушел за вами почти сразу. Отвали, — бурчит она и пытается закрыться.

— Стас пропал, — не даю ей захлопнуть дверь. — Возможно, утонул. Нам нужен Антон.

— Ну и ищите. Я сплю.

Ногти впиваются в ладони до крови. Я уже почти подаюсь вперед, чтобы доходчиво объяснить этой паршивке правила приличия, но Марика с Полиной вовремя перехватывают меня и молча отгаскивают от машины.

Антон мы находим на опушке. Точнее, он сам неторопливо выходит из темноты деревьев. Абсолютно спокойный, ни одышки, ни намека на панику. Слово не по лесу ночью бродил, а по парку на свидании.

— Антон! Где ты был?! Стас пропал! Мы все обыскали!

Он замирает. Лицо мгновенно бледнеет, но как-то... слишком правильно, что ли.

— Как пропал?

Марика сбивчиво тараторит про воду и поиски. Антон хмурится, долго и внимательно изучая мое лицо. А потом вдруг шагает ближе и перехватывает мои руки.

— Ты сама цела? Вся дрожишь.

Его пальцы — теплые, крепкие. Тот самый момент, о котором я мечтала с пятнадцати лет, в комплекте с тревожным взглядом. Все должно быть идеально, но внутри что-то скручивается в ледяной узел. Логика деликатно подсказывает: тут что-то не так. Фальшь. В его тоне есть какая-то неестественная, едва уловимая нота, которую я, увы, слышу.

Выдергиваю руки.

— Я в порядке. Где ты был? Зачем ходил в лес?

Он на долю секунды отводит глаза. Нормальный человек не заметил бы, но я-то его слишком давно изучаю, чтобы пропускать такие нюансы.

— Нужно было подумать. Прогулялся.

— Один? Ночью? в лесу?

Под ребрами ползет липкий холод. Он врет. Прямо сейчас, пока там, в черной воде, плавают твари из ночных кошмаров, он смотрит мне в глаза и нагло врет. Отворачиваюсь к Полине. Не время для выяснения отношений. Сначала — Стас. Антон примирительно поднимает ладони, и мы спешим обратно к озеру.

Дальше время превращается в вязкий кисель. Спасатели, полиция, слепящие лучи фонарей, водолазы в черных костюмах, похожие на пришельцев. Бесконечная, выматывающая суэта. Следователь сверлит нас взглядом, явно прикидывая, кто из нас кого пырнул по пьяни. Дно прочесывают вдоль и поперек. Ни тела. Ни одежды. Ничего. Как будто Стаса стерли из реальности ластиком.

Под утро нас отпускают по домам с жестким приказом оставаться на связи.

Рассвет мы встречаем на кухне у Полины. Греем руки о кружки с чаем и по сотому кругу жуем одно и то же: мог ли Стас уйти сам? Заблудился? Или его лешие утащили? Я молчу о том, что видела в камышах. Галлюцинация? Бабушка часто рассказывала о границе миров, которая истончается в Купальскую ночь, но одно дело — сказки на ночь, а другое — мокрые камыши в реальности.

Домой возвращаюсь в каком-то сюрреалистичном тумане. Долго стою под душем, пытаюсь смыть озерную воду, запах тины и стойкое ощущение, что я попала в чужое кино, причем на роль жертвы. Не помогает. Перед глазами всё равно стоят оскаленные серые морды. Мифических существ не бывает, твержу я себе. Значит, я окончательно сошла с ума. Или бабушкина кровь берет свое? «Знания нашего рода проявляются не сразу», — любила приговаривать она. Похоже, «сразу» наступило.

Сидеть в четырех стенах невыносимо. Полиция не найдет Стаса, я в этом уверена. Все ответы — там, на хуторе, в старых бабушкиных тетрадках. Нужно ехать.

Но вечером объявляется Антон. Дежурный звонок, ровный голос: «Я заеду». Внутри все сжимается — он тысячу лет не проявлял такой инициативы. Наше хрупкое равновесие держалось на том, что мы мастерски делали вид, будто ничего не происходит. Ни того нелепого поцелуя на выпускном, ни того, что он — парень Светы. Ни того, что вчера ночью в лесу он мне нагло врал.

Открываю дверь. Выглядит он паршиво: светлые волосы растрепаны, под глазами залегли тени. Пальцы нервно дергают собачку на молнии куртки. И все равно он до одури красивый, что бесит невероятно. Он молча протягивает мне узкую бархатную коробочку.

— Антон, мы же договорились. Никаких подарков на день рождения.

Он криво усмехается:

— Брось, мелкая. Просто хочу сделать приятное.

Неохотно открываю крышку. Тонкая серебристая цепочка. В кулон из темного, незнакомого металла вправлены прозрачные камни. В полумраке прихожей кажется, что они пульсируют тусклым светом. Очень «своевременный» подарок.

— Поможешь надеть?

Он делает шаг вплотную. Осторожно отводит влажные после душа волосы с моей шеи. Его теплые пальцы скользят по коже, застегивая замок, и меня прошибает дрожь. Тело инстинктивно сжимается. Вчера он трогал меня этими же руками после того, как пропал Стас.

— Хватит, — резко отступаю назад. — Как Света? Переехала к тебе?

Антон сразу прячет глаза, делая вид, что разглядывает мои обои. Увлечательное занятие.

— Живем пока отдельно. У нее учеба, подруги... Редко видимся.

Меня аж мутит от этой неуклюжей лжи. Видимо, честность — это не наш конек.

— Мне пора спать. Завтра допрос.

Он коротко кивает и уходит, будто только этого и ждал. Закрываю дверь на два оборота. Иду в ванную. В зеркале отражается измотанная девчонка с серыми тенями под глазами. Почему он выбрал Свету? Из-за моего трусливого молчания? И что это за кулон? Извинение за вранье?

Касаюсь металла пальцами. И тут же шиплю от боли — металл раскаляется за секунду. Обжигает кожу так, словно я приложила к шее раскаленный уголь. Срываю цепочку и швыряю на раковину. Камни слабо мерцают на белом фаянсе, словно издеваются.

Проваливаюсь в темноту, но реальность снова дает сбой. Знакомый гнилой лес. Душный воздух липнет к коже. Старое кострище на поляне. Из теней выходит старец. Я не чувствую страха. Просто смотрю на него.

— Время пришло, — его голос шелестит, как сухая листва, — узнать правду.

Он поднимает руку. Жесткий палец упирается мне точно между бровей.

Вспышка белого света выжигает лес. Картинка меняется с тошнотворным рывком: я в густой чаще. Вокруг копошатся маленькие светящиеся существа. Детские лица, но глаза — древние, черные. Они смотрят и ждут. Воздух впереди лопается с треском. Из черного разлома валит дым, а сквозь него прут жуткие, выломанные фигуры. В лицо бьет ледяной ливень.

Распахиваю глаза в своей постели. Сердце колотится так, что больно дышать. Откидываю одеяло и замираю. Ступни и икры перемазаны в густой, настоящей грязи. Кожа на ногах ледяная — словно я только что стояла под дождем.

Лес зовет. Игнорировать это больше не получится при всем желании. Утром я закрываю рабочий проект и вызываю такси на вокзал. Следователь по телефону только раздраженно мычит — Стас числится пропавшим. Теперь это только моя проблема. И решать её я буду там, где всё началось.

Четыре часа тряски и половина месячного гонорара псу под хвост. Водитель всю дорогу увлеченно травил байки, а я молча пялилась в окно, пытаюсь сложить пазл своей внезапно посыпавшейся жизни. Бетон сменяется пустошами, цивилизация машет ручкой, а я вспоминаю отца. У него давно новая семья, в которой мне места нет, да я и не лезу. Вспоминаю бабушку. Отец в свое время оборвал все связи, авторитетно заявив, что старуха окончательно выжила из ума. Я тогда поверила — дети вообще существа доверчивые. А теперь вот всё сходится. Не была она больной. Она просто знала о нежити куда больше, чем полагается приличной пенсионерке.

Машина сворачивает на грунтовку, самозабвенно подпрыгивая на ухабах. Из-за деревьев выныривает покосившаяся мшистая крыша. Двенадцать лет. Меня не было здесь двенадцать лет, и, честно говоря, я надеялась, что не будет еще столько же.

Расплачиваюсь с таксистом, закидываю рюкзак на плечо и толкаю калитку. Петли издают такой протяжный скрип, что содрогаются, кажется, даже окрестные сосны. Хутор встречает меня мертвой тишиной. Три дома. Всего три из двух десятков, которые я помню по детству. Остальные рухнули внутрь себя, превратившись в гниющие черные фундаменты. Отец предупредил, что место вымерло, но стоять здесь и смотреть на это... тяжело. Воздух густой, неподвижный. Время здесь не просто остановилось — оно ушло вместе с людьми, даже не попрощавшись.

Перехватываю лямку рюкзака и иду мимо бабушкиного участка к соседскому. Он стоит у самой дороги и прямо-таки режет глаз на фоне общей разрухи. Аккуратный сруб, светло-голубые стены. Краска местами облупилась, но резные наличники целы. Дом живой. За ним явно следят, в отличие от всего остального мира.

Замираю у забора. Воспоминание накатывает резко, напрочь сбивая дыхание. Мне пять. Я стою на цыпочках на старой скамейке и увлеченно вожу пальцем по деревянным завиткам,

изучая резных зверей. На крыльцо выходит хозяин — дедушка Афанасий. Хмурится для вида, а потом сует мне в ладонь теплый медовый пряник.

Ритмичный стук возвращает в реальность. За домом кто-то работает. Обхожу сруб и вижу старика. Он возится во дворе, методично вбивая деревянный клин в рассохшееся колесо телеги. Громко кашляю, обозначая свое присутствие. Старик оборачивается. Щурится, разглядывая чужачку, и в его выцветших глазах медленно проступает узнавание.

— Дедушка Афанасий. Это я. Яра. Внучка Клавдии.

Сеть морщин на его лице дрожит и складывается в теплую улыбку.

— Яра... Помню девчонку. Маленькую, звонкую.

Он откладывает инструмент и тяжело выпрямляется, разминая поясницу.

— Давненько не видала тебя наша деревня. Что привело-то?

— Трудно объяснить, — мнусь я на месте.

И что ему сказать? Про утонувшего друга? Про серых тварей в озере, у которых зубов больше, чем совести? Про странного старика из моих провалов? Я сама не понимаю логики происходящего. Меня просто притащило сюда на инстинктах, как побитую собаку домой.

Афанасий смотрит долго. Цепко. Так смотрят люди, которые видят тебя насквозь вместе со всеми твоими скелетами в шкафу.

— Уж не лес ли позвал? — роняет он в тишину.

Холод мгновенно стягивает кожу на затылке.

— О чем вы?

Старик садится на край телеги. Говорит неторопливо, будто слова у него на вес золота:

— Бабка твоя не просто так из города сюда сбежала. Говорила: лес зовет. Готовить что-то нужно, пока ты еще маленькая. Бродила по чаще целыми днями. А под конец и вовсе ушла туда жить.

— Отец говорил, она... повредила рассудком.

— С ума сошла? — Афанасий коротко усмеяется. — Нормальная она была, внучка. Умнее многих. Правильно всё делала. На всё своя причина имелась.

В груди натягивается струна. Значит, я всё-таки не сумасшедшая. И он знает ответы на мои «почему».

— Какая причина? Расскажите.

Голос всё-таки срывается. Злюсь на себя и упрямо вздергиваю подбородок. Афанасий поднимается.

— Языком чесать — дело пустое. Пойдем, сама увидишь.

Он машет сухой рукой в сторону чащи.

— Рюкзак у крыльца брось. Не тронет никто, вымерли все. Из живых душ тут только я да кот мой, Баюн.

Из-за угла дома бесшумно вытекает зверь. Замираю. Назвать это создание «питомцем» — это сильно польстить всем кошкам мира. Огромный, матерый, с тяжелой квадратной мордой. Размером он явно крупнее хорошей овчарки. Один глаз цвета старого янтаря, второй — темной хвоей. Баюн подходит вплотную, демонстративно обнюхивает мои кроссовки, трется тяжелым боком о щиколотку и издает низкий, утробный звук. Вибрация прошивает подошвы насквозь и отдается где-то в ребрах.

— Вишь, признал, — Афанасий кивает с явным удовлетворением. Причем обращается он к животному, а не ко мне. — Раз признал, значит, дорога открывается.

Сбрасываю рюкзак у ступеней. Беру у старика плетеную корзину и шагаю следом. Баюн идет впереди. Ступает мягко, уверенно, задрав пушистый хвост. Настоящий лесной проводник, чтоб его.

Кланяюсь на четыре стороны и шепотом прошу у хозяина леса разрешения войти. Заученные в детстве слова срываются с губ без единой запинки — привычка, вбитая бабушкой

на подкорку, сработала быстрее разума. Позади раздаётся тихий смешок. Афанасий легонько подталкивает меня в лопатки:

— Заходи. Разрешает.

Баюн нетерпеливо дергает ухом, и мы наконец шагаем в полумрак чащи. Лес забирает нас мгновенно. Воздух меняется: становится густым от запаха хвои и прелой земли. Птичий щебет бьёт по ушам. Сквозь плотные кроны пробиваются косые солнечные лучи, в которых лениво пляшет золотая пыль.

Мы идем вперед, и чаща расступается, буквально оживая на глазах. Прямо на тропу выскакивает заяц, замирает на секунду и лениво прыгает в кусты. Наглая лиса высовывает морду из-за поваленного ствола, провожает нас желтым глазом и неспешно растворяется в папоротниках. В просвете между березами стоит косуля. Не шарахается в панике, а лишь переступает тонкими ногами, пропуская нас.

В груди туго стягивается узел. В детстве бабушка водила меня этими самыми тропами. Тогда лес казался целым миром — огромным и абсолютно безопасным. Удивительно, но сейчас я чувствую то же самое. «Баба Клава. Как же мне не хватает твоей уверенности. Ты заменила мне мать, а я струсилась и даже не приехала на похороны». К горлу подкатывает комок. До боли стискиваю челюсти и упрямо смотрю под ноги. Не время раскисать. Старик и кот вышагивают рядом в абсолютном молчании, благородно давая мне перебеситься в одиночестве.

Деревья расступаются резко. Мы выходим на большую, залитую солнцем поляну, спрятанную за кольцом вековых елей. Случайный грибник никогда не забредет сюда — тропу нужно знать. Посреди поляны стоит изба. Темная от времени срубная коробка, крыша которой густо поросла мхом. Дом поднят на толстых деревянных столбах — крепкая конструкция, спасающая от воды и зверья.

Из трубы тянется густой белый дым. Уставляюсь на крышу, потом перевожу взгляд на Афанасия.

— Там... кто-то живет?

— Баюн живет. Я захаживаю.

Старик делает тяжелую паузу.

— А теперь всё это — твоё. Наследство от бабки.

— Моё?! — с губ срывается нервный смешок. — В каком смысле?

— В прямом. Принимай хозяйство, хозяйка.

На деревянных ногах поднимаюсь по ступеням. Ветхая с виду дверь поддается легко, без малейшего скрипа. Внутри просторно и светло. Беленая русская печь пышет живым жаром. В чугунном котелке что-то побулькивает, наполняя избу густым ароматом чабреца. Под потолком висят пучки сушеных трав, на полу — чистые коврики.

Мой хваленый рационализм окончательно пакует чемоданы. В доме никто не живет, но печь натоплена, а на столе ни пылинки. У стены стоит массивный дубовый сундук с тяжелым навесным замком. Баюн бесшумно огибает меня, взлетает прямо на крышку и усаживается там с видом полноправного владельца недвижимости.

Подхожу к столу. Афанасий уже ловко расстилает чистую скатерть. Ставит тяжелый самовар, раскидывает глиняные чашки. Я достала хлеб, сыр и молоко. Мы сели друг напротив друга. Только откусив первый кусок, я понимаю, насколько истощена. Еда до одури простая, но вкус у неё такой, словно я не ела вечность. Уплетаю всё, что лежит на тарелке, запивая ароматным чаем.

— Простите, — бормочу с набитым ртом.

Афанасий добродушно усмехается:

— На здоровье. Ешь, не давайся. Разговоры подождут.

Сытость приносит с собой зудящую тревогу. За льняной занавеской белеет застеленная кровать. Организм требует отрубиться, но я понимаю: меня притащили в эту глушь не ради чаепития.

— Дедушка, — решаюсь я. — Если здесь никто не живет, кто топит печь? Здесь идеальная чистота. Баюн полы моет?

Киваю на кота. Тот поднимает голову и смотрит мне в глаза. Тяжело. Умно. Обычные звери так не смотрят, честное слово.

Улыбка сползает с лица Афанасия.

— Жизнь твоя теперь изменится, Яра. С этим наследством придет тяжелая ответственность. Не всё сразу поймешь, но я в тебя верю. Справишься.

Он тяжело поднимается и подходит к сундуку. Баюн беззвучно спрыгивает на пол. Афанасий медленно проводит узловатой ладонью над замком. Металл сухо щелкает, тяжелая дужка откидывается сама собой. Я смотрю на это и понимаю: мой внутренний скептик окончательно вышел вон. Магниты? Лески? Да бросьте. В доме с разумным котом и печью-автоматом искать логику бесполезно.

Старик достает толстую книгу в потертой коже.

— Это дневник, — Афанасий бережно проводит пальцами по обложке. — Передается по праву каждой новой хозяйке избушки. Теперь он твой.

— Дневник? — я не могу оторвать взгляд от старой кожи. — Ему лет двести на вид.

— Восемьсот. Не меньше. Прочтешь — найдешь ответы на всё, что тебя грызет.

Он кладет древнюю книгу прямо передо мной на столешницу.

— Вечереет. Надумала в город возвращаться?

Я осматриваюсь. В избе пахнет сушеным чабрецом и нагретым деревом. Жар от печи мягко обволакивает плечи. Накатывает забытое, щемящее чувство из детства. Так пахло у бабы Клавы. За этими стенами безопасно. Здесь... невероятно уютно. Рациональная часть мозга еще слабо протестует, но альтернатива пугает куда больше. Возвращаться в город, к вопросам о Стасе и холодному Антону, не хочется совершенно. Какая-то древняя часть меня вдруг понимает: я на своем месте.

— Нет, — выдыхаю я, — я остаюсь.

— Избушка твоя — распоряжайся. Напиши список того, что нужно, к утру всё будет лежать на пороге.

Не пытаюсь выяснять логистику доставки в магический лес. Просто выдираю из блокнота лист и набрасываю перечень необходимого. Механические действия помогают держать рассудок в узде. Афанасий забирает бумажку.

— Я провожу, — вскакиваю я.

— Сиди. Баюн проводит.

Старик шагает к выходу.

— Отдыхай, Яра. Читай. Заметки на полях оставлены специально для тебя.

Дверь мягко закрывается. Скрипят ступени крыльца и стихают. Я остаюсь одна в доме посреди темнеющего леса. Старая книга тянет к себе магнитом. Зажигаю свечу, сажусь за стол и провожу пальцами по шершавому переплету. Откидываю тяжелую обложку. И замираю.

Ни одного знакомого слова. Сложная вязь, угловатые руны, странные схемы. Переворачиваю страницу — чужой, мертвый язык. Ни единой зацепки. Ни одной буквы, которую мозг мог бы расшифровать.

Усталость накрывает бетонной плитой. Бессонная ночь, исчезновение друга, дорога, фокусы с замком — организм просто вырубает рубильник. С трудом захопываю книгу, бреду к кровати и падаю прямо в джинсах. Сознание гаснет, проваливаясь в вязкую темноту. И ровно за секунду до того, как окончательно отключиться, в голове вспыхивает кристально ясная, ледяная мысль.

Двенадцать лет. Меня не было на хуторе двенадцать лет. А Афанасий за это время не постарел ни на один день.

Глава 2

Блины, мечи и трудности перевода

Выдержка из Дневника Яги

*Страница 88. Бытовая волжба:
Зазыв потерянного*

Применение: Если вещь нужная в лесу запропастилась или в избе в щель провалилась.

Слова силы: Лесовик-боровик, поиграл и отдай. Домовой-бабушка, из угла выкатывай. Мое при мне остается, чужого не надо.

[Пометка]: Работает всегда. Главное — положить на стол медную монетку или конфету. Духи не любят работать бесплатно.

Меня разбудил запах блинов.

Я не спешила открывать глаза. Просто лежала под тяжелым одеялом, втягивала носом сладковатый аромат и улыбалась. Сейчас повернусь, а у раскаленной печи хлопочет бабушка. Помешивает тесто деревянной ложкой и напевает под нос мотив старой песни. Увидит, что я проснулась, и скажет:

— Вставай, засоня, остынет же...

Реальность обрушилась на плечи тяжелой бетонной плитой. Я здесь одна. Бабушки нет в живых уже десять лет. Какие к черту блины?

Я резко вскочила с кровати. Схватила увесистую металлическую кочергу — первое подходящее оружие в поле зрения — и осторожно выглянула из-за печи. Никого. На дубовом столе сидел Баюн и умывался. Заметив меня, он недовольно дернул ухом и спрыгнул прямо перед моим лицом. Я шарахнулась в сторону, едва не выронив железяку.

— Напугал, зараза...

Я опустила оружие, перевела взгляд на стол и замерла. Поверхность застилала чистая скатерть. В центре высилась стопка румяных блинов на расписной тарелке. Рядом стояла глиняная плошка с медом, три баночки варенья — смородиновое, малиновое, клубничное — и густая сметана. Пузатый самовар плевался горячим паром.

Я медленно перевела взгляд на кота.

— Это твоих лап дело? Домового? Местной службы доставки?

Баюн коротко мурлыкнул и потерялся о мою босую ногу. Я почесала его за ухом. Задавать вопросы, на которые пока не готова услышать ответы, было бессмысленно.

Мы завтракали вместе. Я методично уничтожала блины с клубничным вареньем, кот аккуратно вылизывал сметану из блюдца. Он ел не торопясь и время от времени проверяюще косился на меня. На его широкой морде читался немой вопрос: не забыла ли я о главном?

Я не забыла.

Покончив с едой, я придвинула к себе тяжелый фолиант. Раскрыла. Ничего не изменилось: те же непонятные символы, та же витиеватая вязь на мертвом языке. Ни одного русского слова. Я разочарованно перелистывала плотные страницы, надеясь найти хоть малейшую зацепку. И нашла. На самом последнем развороте, вложенный между обложкой и форзацем, лежал запечатанный конверт.

Почерк я узнала мгновенно. Ровные буквы с характерным наклоном вправо. Внутри всё болезненно сжалось от тоски. Пальцы задрожали, ломая сургучную печать.

«Моя дорогая Ярочка! Если держишь это письмо — значит, время пришло. Пора вспомнить всё, что я когда-то просила тебя забыть. Ты — Хранительница Перехода между Явью и Навью. Между миром живых и царством мёртвых. Чтобы вернуть утраченную память, шепни Баюну на ушко:

— Веди меня, Кот, в запретный оплот, Сквозь чащу густую, вокруг тьмы круговую. Приведи на место — в знак доброго жеста!

Следуй за ним. Он знает дорогу. Будет страшно, Яра. Будет больно. Но ты должна пройти этот путь. Твоя задача — хранить равновесие обоих миров. Я откладывала этот час, сколько могла. Большие не могу. Прости меня, родная. Будь мудрой. Будь смелой. Крепко люблю тебя. Твоя бабушка».

Я долго сидела неподвижно. Обеими руками вцепилась в бумагу. Буквы плыли перед глазами от непролитых слез.

Хранительница Перехода. Явь и Навь. Мир живых и мир мёртвых. Безумие. Клиническое, абсолютное безумие.

И при этом пазл идеально сошелся. Видения, преследовавшие меня с самого детства. Гнилые мавки в ночном озере. Зов леса. Существа, которых замечала только я. Отец годами таскал меня по психологам, пичкал таблетками, убеждал в наличии буйной фантазии. Я верила ему. Считала себя бракованной. А бабушка знала правду. Знала, молчала и готовила меня к этому дню.

Я всегда чувствовала собственную инаковость. Монстры из галлюцинаций никогда не пугали меня до смерти. Глубоко в подсознании я принимала их реальность, просто запрещала себе в это верить ради спокойствия отца.

Хватит.

Я наклонилась к Баюну. Он лениво валялся на лавке и помахивал пушистым хвостом. Я набрала в грудь воздуха и четко прошептала ему в мохнатое ухо бабушкин заговор. Ничего не произошло. Кот приоткрыл один насмешливый зеленый глаз. Смерил меня взглядом и снова зажмурился. Кончик хвоста ритмично дернулся.

— Эй! — я возмущенно выпрямилась. — Хватит дрыхнуть. Вставай. Или больше ни капли сметаны в этой жизни не увидишь.

Уголки его рта дрогнули. Усы дернулись. В разноцветных глазах мелькнул чисто человеческий, откровенный сарказм. И он остался лежать на месте.

Ждать у моря погоды не имело смысла. Заговор не сработал. Кот спал. Книга молчала. Я решила выйти наружу — проветрить голову и размять ноги.

День стоял ясный и по-летнему жаркий. Опушка жила своей привычной жизнью: птичий гомон, шелест листвы, стук дятла вдалеке. Я бесцельно побрела по тропе. Мысли крутились вокруг письма. Оказывается, моя судьба была прописана задолго до моего рождения. И права выбора мне никто не давал.

Резкое карканье разорвало лесную идиллию. Громкий, отчаянный, хриплый вопль. Кто-то молил о помощи. Я сорвалась на бег.

У подножия старого дуба билась в браконьерских сетях огромная черная птица. Матерый ворон с размахом крыльев шире моих разведенных рук. Его когтистая лапа намертво застряла в жесткой петле. Каждое резкое движение затягивало узел только туже. Черные перья на груди слиплись от свежей крови.

Я опустилась на колени прямо в грязь. Ворон мгновенно замер и уставился на меня черным настороженным глазом.

— Тихо, тихо... Не дергайся. Сейчас помогу.

Я заговорила ровным, монотонным голосом. Бабушкина школа работы с ранеными зверями включилась автоматически. Не смотреть прямо в глаза. Не делать резких движений. Дать привыкнуть к интонации. Птица перестала биться. Я осторожно принялась распутывать жест-

кий капрон. Веревка врезалась глубоко, рассекла кожу до мяса. Ворон вздрагивал от каждого моего прикосновения к ране, но стоически терпел.

— Вот так. Все. Свободен.

Я раздвинула ячейки сети. Птица с шумом взмыла на нижнюю ветку дуба. Не улетела. Ворон смотрел на меня сверху вниз долгим, осмысленным взглядом. Запоминал.

— Лети давай. Рану бы промыть, но ты ведь в руки не дашься...

Я развернулась и пошла к дому. Ворон последовал за мной. Сначала перелетал с дерева на дерево, затем приблизился вплотную. А когда я ступила на деревянное крыльцо избышки, он тяжело опустился прямо мне на левое плечо. Я перестала дышать. Острые когти впились в ткань куртки. Мощный клюв оказался в сантиметре от моего уха. Сердце подпрыгнуло к горлу, но я усилием воли подавила панику. Не закричала. Не дернулась. Медленно выдохнула сквозь стиснутые зубы и переступила порог.

Ворон коротко и одобрительно каркнул.

Внутри ждал очередной сюрприз. Обеденный стол снова ломился от еды. Горячие зеленые щи в миске, запеченный осетр, вареная картошка с укропом, кувшин холодного кваса. Запах стоял одуряющий. Мой желудок предательски заурчал.

Баюн вальяжно развалился на лавке с таким видом, будто понятия не имел о происхождении еды. Я аккуратно ссадила ворона на высокую спинку стула. Птица покосилась на кота. Кот прищурился на птицу. В избе повисла тяжелая, осязаемая тишина.

— Знакомьтесь. Баюн — ворон. Ворон — Баюн. Теперь нас трое, — я попыталась разрядить обстановку.

Кот презрительно фыркнул, спрыгнул на пол и скрылся под печью. Ворон победно каркнул.

Я нашла чистую тряпицу, теплую воду из утреннего котелка и промыла птице рану. Ворон сидел смиренно и лишь поворачивал голову, внимательно следя за моими руками. Закончив с перевязкой, я накинулась на еду. Осетра и остатки сметаны честно отложила коту под лавку.

После обеда пришло время изучить сундук. Афанасий не стал его запирасть. Я с усилием откинула массивную крышку. Внутри пряталась полноценная лаборатория средневековой ведьмы. Стекланные склянки с мутными жидкостями, кристаллы, связки сушеных трав и узловатые корни.

На самом дне лежал плотный тканевый сверток. Я развернула его и медленно осела на пол. Меч. Настоящий, отполированный до зеркального блеска клинок. Пугающе тяжелый. Рядом покоилась кольчуга — металлическая, но невесомая на ощупь.

— Бабуля... Ну ты даешь, — я нервно потеряла переносицу. — Я тяжелее ноутбука в жизни ничего не поднимала. Куда мне меч?

Ворон громко каркнул с притолоки. Я вздрогнула, совершенно забыв о его присутствии.

До самого вечера я перебирала содержимое сундука. Большинство вещей оставалось абсолютной загадкой. За окнами стремительно стемнело. Я заварила крепкий чай, устроилась за столом и прикрыла глаза. Завтра нужно возвращаться в город. Там реальная жизнь. Новости про Стаса. И Антон. В груди болезненно кольнуло. Я скучала по нему, несмотря на его ложь и выбор в пользу Светы.

Ладно. Завтра будет город и проблемы. Сегодня — лес и сон. Я умылась и рухнула в постель.

Грохот вырвал меня из глубокого сна. Ворон остервенело клевал кота. Баюн отбивался когтистыми лапами, злобно шипел и пытался запрыгнуть на мою кровать.

— Хватит! Оба! — рывкнула я.

Птица взлетела на полку, а кот прижался к моим ногам, задрал морду и посмотрел прямо в глаза. Я считала его посыл мгновенно: он требовал идти за ним. В чашу. Глухой ночью.

— Ты серьезно? Надеюсь, ты ведешь меня по делу, а не закапывать свои «секретики». Иначе пушу на воротник.

Баюн отчетливо, выразительно закатил глаза.

Мы вышли в ночь. Инстинкт самосохранения кричал: «Вернись!», но я шла за серебрястой спиной проводника. Лес сбросил дневную маску, став резким и угрожающим. На прогалине выросло дерево — огромное, древнее. Я приложила ладонь к коре и почувствовала, как ствол пульсирует. Внутри билось тяжелое сердце.

— Какого черта...

Тропа повела дальше, к ручью. Баюн брезгливо посмотрел на темную воду и, не дав мне опомниться, мощным прыжком взлетел мне прямо на руки.

— Ох... черт! Ты что, чугунные гири на завтрак ел? — выдохнула я, едва устояв на ногах.

Этот «котик» весил как средних размеров мешок картошки. Мои пальцы едва сходились на его густой шерсти, а позвоночник явственно хрустнул, протестуя против такой нагрузки. Кот проигнорировал мое возмущение, поудобнее устроился на сгибе локтя и завел свой моторный гул.

Стараясь не поскользнуться на мокрых камнях и проклиная свою хрупкую конституцию, я потащила эту пушистую тушу через ледяной поток. Каждый шаг давался с трудом, руки затекли через секунду, но бросить этого наглого «проводника» в воду я не решилась.

На другом берегу я со стоном сгрузила Баюна на траву. Руки тряслись от напряжения, а ноги окончательно онемели от ледяной воды. Но стоило мне выпрямиться, как остатки возмущения вылетели из головы, сменившись ледяным, липким ужасом.

Лес вокруг изменился. Он больше не казался пустым.

Из непроглядной тьмы между стволами начали проступать силуэты. Сначала бесшумно, словно тени, на свет луны выскочили зайцы и замерли, вытянувшись в струнку. Затем показались грациозные лани, их огромные влажные глаза отражали мертвенное сияние неба. Но когда из подлеска один за другим вышли три матерых волка с тяжелыми лобастыми головами, моё сердце просто перестало биться.

Это не были галлюцинации. Я чувствовала запах их мокрой шерсти, видела, как вздымаются их бока. Инстинкты вопили: «Беги! Карабкайся на дерево!», но ноги словно вросли в сырую землю. Я застыла, боясь даже вздохнуть, ожидая, что сейчас один из них прыгнет и всё закончится.

А затем кусты с треском раздались, и на поляну вывалилась огромная бурая гора. Медведь. Он поднялся на задние лапы, возвышаясь надо мной, как скала, и втянул носом воздух. В этот момент мир сузился до размеров его зрачка. Я зажмурилась, приготовившись к удару когтистой лапы.

Но удара не последовало.

Тишина стала абсолютной, звенящей. Открыв глаза, я увидела невероятное: звери не скалились и не рычали. Они выстроились живым коридором, образуя почетный караул. Охрана безмолвно расступилась перед Баюном, который шел вперед с видом триумфатора.

— Иди, — подтолкнул меня кот коротким мяуканьем.

Я заставила себя сделать первый шаг. Это было похоже на прогулку по минному полю. Я прошла мимо желтых волчьих глаз, мимо медведя — так близко, что ощутила на щеке его горячее дыхание с запахом сырой земли и дикого леса. Колени подгибались, а кожа покрылась крупными мурашками, но я шла.

За последним зверем звук исчез полностью. Реальность будто схлопнулась, оставив меня на круглой поляне. В самом центре, заливая всё вокруг мягким, неземным сиянием, рос папоротник. Выше человеческого роста, с раскидистыми резными листьями. А в его сердцевине, вопреки всем законам биологии, горел золотой цветок.

Я протянула руку. Пальцы коснулись лепестка. Пространство разорвалось. Сила хлынула в меня ревушим потоком. Я закричала, но не услышала себя. Белое сияние затопило всё.

А потом реальность треснула. Ослепительное золото цветка сменилось удушливой, маслянистой тьмой. Она хлынула со всех сторон, мгновенно поглощая и поляну, и зверей.

Тишину разорвал звук, от которого волосы на затылке зашевелились сами собой: тяжелый, костоломный хруст веток и утробное, клопочущее рычание. Что-то огромное и бесконечно злое сорвалось с цепи.

— Беги, Яга! Сейчас! Не оглядывайся!

Отчаянный, хриплый мужской приказ ударил по ушам, вырывая из ступора. Это было не мяуканье — это был крик человека, который видит твою смерть.

Я сорвалась с места. Легкие мгновенно обожгло холодом, сердце заколотилось в зубах. Я неслась сквозь черноту вслепую, не чувствуя ног. Сзади нарастал грохот обвала — это нечто проламывалось сквозь чашу, не разбирая дороги.

Ледяные когти рванули ткань куртки на плече, едва не сбив меня с ног. Я почувствовала затылком смрадное, гнилостное дыхание. Кто-то или что-то тянулось ко мне из темноты, пытаясь вцепиться в волосы, схватить за щиколотку. Каждый шаг был битвой. Я спотыкалась, летела кубарем в грязь, чувствуя, как острые пальцы смыкаются в сантиметре от моей спины, вскакивала и снова бежала.

Глаза застилал пот и слезы ужаса. Я не видела тропы, я видела только тусклый, спасительный огонек окна впереди. Последний рывок по высокой траве, прыжок на крыльцо, едва не вырвавший суставы из колен. Я рванула на себя ручку, ввалилась внутрь, и дверь с оглушительным грохотом захлопнулась сама собой, отсекая яростный вой снаружи.

Я сползла по деревянному полотну на пол. Легкие горели, в ушах шумел пульс, а пальцы судорожно вцепились в порог.

— Я жива... Жива... Кто это был? Что это было?!

— Хранители, — раздался из угла усталый, хриплый мужской голос. На лавке сидел Баюн. — Сделай ты хоть шаг назад, и мне пришлось бы воспитывать новую Ягу с пеленок.

— Ты... говоришь.

— Скорее — ты наконец-то слышишь. Цветок распечатал твой дар.

— Почему папоротник расцвел сейчас? Купало давно прошел.

Кот усмехнулся.

— Людишки ничего не знают про папоротник. Цветок ждал твоего появления, а не правильной даты в календаре. — Баюн лениво потянулся, демонстрируя идеальные белые клыки. — Твой путь только начинается, Яга. А теперь спи.

Пространство избушки наполнилось густым, бархатным мурчанием, которое, казалось, вибрировало в самих стенах. Сопrotивляться ему было невозможно. Сон обрушился мгновенно, тяжелый и вязкий, как мед.

Я снова стала пятилетней девочкой.

Ночь была тихой, совсем не похожей на тот кошмар, от которого я только что спаслась. Я сидела у лесного костра, поджав под себя босые ноги, а рядом была она — живая, теплая, пахнувшая домом и полынью. Бабушка подбросила сухую ветку в огонь, и сноп искр взметнулся к звездам.

— Мир не прост, дитя мое, — тихо заговорила она, и в её глазах отразилось пламя. — Существует три мира, Ярочка. Запомни это. Первый — Явь. Наш мир, где всё можно потрогать руками. Мир живых. Второй — Навь. Царство теней, неприкаянных духов и мертвых душ. А над ними — Правь, обитель богов и чистого знания. Все три мира связаны невидимыми нитями, и твое предназначение — стоять на страже. Ты Хранительница. Ты должна беречь рубеж между Явью и Навью. Не пускать темное сюда, к людям. И не давать живым забредать туда, откуда нет возврата.

— А как я смогу, бабушка? Я ведь маленькая, — я услышала свой тоненький, дребезжащий детский голосок.

Она мягко улыбнулась и погладила меня по голове. Её шершавая ладонь ощущалась как самая надежная защита в мире.

— Об этом не думай пока. Всё необходимое я сама подготовлю, когда срок придет. А ты расти. Будь обычной девочкой. Играй, смейся, заводи друзей. Но запомни главное: всегда будь справедливой. Даже когда невыносимо больно. Даже когда это абсолютно невыгодно и все вокруг выбирают ложь. Ты — выбирай честь.

— Обещаю, бабушка.

Внезапно идиллия треснула. Раздался сухой, зловещий треск ломающихся деревьев. Из лесной чащи, куда не долетал свет костра, потянуло могильным холодом. Бабушка мгновенно преобразилась: она вскочила, загораживая меня собой, и её фигура вдруг показалась огромной, величественной.

— Рано! — выкрикнула она в темноту, и голос её прозвучал так властно, что пламя костра пригнулось к самой земле. — Ее нельзя забирать! Я принесу жертву ради ее свободы! Я сама пойду, слышишь?!

Огромная, бесформенная темная масса шевельнулась между вековых дубов. Она замерла на несколько бесконечных секунд, словно взвешивая предложение. А потом медленно, почти неохотно, отступила назад, растворяясь в ночной тени.

Бабушка обернулась. Лицо её было белым, как мел, а глаза покраснели от едва сдерживаемых слез. Она упала на колени и прижала меня к себе. Слишком крепко. До хруста в ребрах, до боли. Она дышала тяжело и часто, и я чувствовала, как дрожат её руки.

Так обнимают, когда в один миг отдают всё самое дорогое за возможность увидеть, как ты растешь. Когда знают, что с этого дня за каждый твой спокойный вдох уже назначена непомерная цена.

Глава 3

Дом, которого нет

Выдержка из дневника Яги

Страница 215. Заговор оберегов (Волчий клык или речной камень)

Применение: Для защиты простого человека от влияния Нави, отвода глаз чудищам и защиты от порчи.

Подготовка: Положить оберег в чашу с родниковой водой. Бросить щепотку четверговой соли. Читать на рассвете, перекатывая предмет в пальцах.

Слова силы: Твердое к твердому, живое к живому. Отсекаю дурной глаз, закрываю темный путь. Кто со злом придет, тот о камень споткнется, в воде захлебнется. Замок пудовый вешаю, ключи в болото бросаю.

[Приписка мелкими буквами]: Оберег работает до первой серьезной беды. Защищает от смертельного удара, заберет на себя проклятие, а потом треснет. Треснувший камень или клык нужно немедленно закопать под корнями мертвого дерева.

Я открыла глаза. Солнце заливало комнату, пахло яичницей и чем-то неуловимо древним. Несколько секунд я плавала в остатках сна: бабушкин голос, запах дыма, тепло на макушке. Отпустить не хотелось, но реальность уже стучалась — настойчиво и без приглашения.

Кота в доме не было. Зато вчерашняя одежда — безнадежно грязная и рваная — обнаружилась у кровати, сложенная в идеальную, аккуратную стопку. «Ну Баюн и педант», — я мысленно закатила глаза.

Каждая мышца ныла так, словно я накануне записалась на секцию борьбы с медведями и честно отпахала там трёхчасовую смену. Впрочем, спустя минуту туман в голове рассеялся, и я вспомнила: медведь был, но боролась я не с ним. Был кот, был глухой лес, были Хранители... И всё это, черт возьми, было по-настоящему.

Я встала. Пол качнулся, пришлось вцепиться в спинку кровати. Доковыляла до мутного зеркала в углу — и замерла.

Из рамы на меня смотрела я. Но какая-то неправильная. Кожа — фарфоровая, сияющая, ни единой царапины, хотя вчера ветки хлестали по лицу так, что впору было писать жалобу лесничеству. Глаза стали глубже, с каким-то опасным, колдовским блеском. Волосы — густые, тяжёлые, и это без шампуня, кондиционера и вообще без водопровода.

Я коснулась щеки. Тёплая, гладкая. Моя — и всё-таки чужая. Внутри, там, где раньше жил привычный страх, теперь ворочалось что-то мощное и живое. Оно ждало.

— Ну привет, новая я, — прошептала я зеркалу. Зеркало благоразумно промолчало.

После завтрака — откуда взялись колбаски, я решила не уточнять, магия магией, а аппетит по расписанию — я вышла на крыльцо. На перилах сидел вчерашний ворон. Лапа перевязана, взгляд умный, почти человеческий.

— Привет, дружище. Где пропадал?

В ответ — громкое, резкое «Кар!».

Я выждала, надеясь на внезапное озарение: раз уж с котом спелись, может, и с птицей договоримся? Но звук оставался просто звуком. Надрывным и бессмысленным.

— Похоже, со мной говорят не все, — пробормотала я. — Или ты просто неразговорчив.

Ворон взмыл в небо, обдав меня колючим ветром, и окончательно оставил наедине с тишиной. Ну и ладно. Пора было возвращаться в мир людей — тот самый, где вороны не разговаривают, коты не наставляют и никто не предлагает тебе должность Привратницы между мирами.

Я перерыла бабушкин сундук. Мои шмотки годились только на тряпки, так что я выудила длинный вязаный кардиган. Он пах лавандой и чем-то таким, от чего хотелось одновременно плакать и заваривать чай. Затянула пояс, спрятала дневник на дно сумки.

Баюн уже ждал у порога. Разумеется. Коты всегда ждут у порога — это их способ напомнить, кто тут главный.

— Ну что, в путь? — спросил он.

Я всё ещё вздрагивала, когда он открывал рот. Говорящий кот — это из тех вещей, к которым, подозреваю, не привыкаешь никогда.

— Сначала к дедушке Афанасию за рюкзаком, — я сверилась с планом в голове. — Потом пешком до села, такси, город... Господи, меня же ищут. Три дня связи не было.

Кот фыркнул так, что стало ясно: мои человеческие тревоги он ставит где-то между мышинной вознёй и сквозняком.

— Держи вот. Пригодится на обратном пути.

Он кивнул на серый неприметный клубок шерсти у лап. Я подняла его — тёплый, почти невесомый. Положила в карман и в последний раз оглянулась на избушку.

Что-то кольнуло под рёбрами. Не боль — обещание. Я вернусь. Я уже знала это.

Дом Афанасия я увидела издалека. И застыла.

Три дня назад это был уютный домик с голубыми стенами. Теперь на меня смотрели руины. Краска облупилась, наличники потрескались, сад превратился в непролазные заросли бурьяна. Дверь заперта на ржавый засов, который явно не трогали годами.

Баюн растворился в воздухе, стоило мне подойти к калитке. Мой рюкзак стоял на крыльце — целый и невредимый, и от этой аккуратности посреди запустения стало совсем не по себе.

Я быстро переоделась в свои джинсы и футболку, накинув сверху кардиган. Руки дрожали.

«Пять лет как умер». Фраза всплыла сама, ниоткуда, и повисла в голове, как приговор. Если Афанасий мёртв пять лет — то кто три дня назад поил меня чаем? Кто угощал пирожками и возился с телегой на заднем дворе? Кто улыбался, щурясь от дыма махорки?

До села я добралась быстро — или мне так показалось. Ноги несли сами, а перед глазами стояло лицо деда. Живое, тёплое, невозможное.

Сельмаг вырос передо мной внезапно.

Внутри пахло свежим хлебом, пылью и застоявшимися сплетнями — тем особым ароматом, который бывает только в местах, где все про всех знают, а чего не знают — додумывают. Продавщица — породная женщина с монументальным начёсом — и местная старушка замерли на полуслове. Уставились на меня так, точно я только что материализовалась из стены.

— Девонька, ты чьих будешь? — прищурилась бабуля.

— Яровая Клавдия — моя бабушка.

Тишина сгустилась мгновенно. Продавщица медленно опустила руки на прилавок.

— Клавдия... — выдохнула она. — Ведунья наша. Как ушла в мир иной, так всё прахом и пошло. И колодцы сохнут, и скотинадохнет...

— А дедушку Афанасия помните? — перебила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Он ведь в доме на окраине жил?

Старушка мелко перекрестилась.

— Пять лет как похоронили Афоню. Во сне ушёл, тихо. Дом его с тех пор так и гниёт пустой. Даже птицы на крышу не садятся.

Я вцепилась в щербатый край прилавка. Значит, не почудилось. Не привиделось. Мёртвый дед кормил меня пирожками, и это, видимо, теперь нормально. Просто ещё один пункт в списке «вещей, к которым Яра должна привыкнуть до конца недели».

И вот что странно — где-то глубоко внутри я уже это знала. Информация просто лежала там, готовая, неоспоримая. Привратнице не нужны доказательства. Она видит правду сквозь время. Удобная способность. Жаль, инструкция к ней не прилагалась.

— Понятно, — оборвала я, не давая себе провалиться глубже. — Вызовите мне такси, пожалуйста. Телефон не ловит.

Пока ждала машину, слушала заунывные причитания о том, как пустеет деревня, как бежит молодёжь и как всё приходит в упадок. Но для меня это был белый шум. В голове стучало только одно: кто тогда кормил меня пирожками? И главное — зачем?

Я пыталась понять, как на это реагировать, но за последние дни странностей навалило столько, что ещё один призрак в копилке казался просто статистикой. Принимаю как факт. И от этого спокойствия становится ещё холоднее.

Такси приехало через бесконечные сорок минут. Я отдала водителю последние наличные, забралась на заднее сиденье и до боли прижала к себе дневник. Закрыла глаза.

Под мерное шуршание шин в сотый раз прокрутила события минувших дней. К такому жизнь меня точно не готовила. Ни один учебник, ни один тренинг по личностному росту не предусматривал пункта «что делать, если вы — Яга». Боги, видимо, устав смотреть на мою размеренную повседневность, решили добавить красок — и ровно в двадцать лет преподнесли этот безумный подарок. То ли ещё будет.

Город встретил привычным гулом и неоновыми вывесками, но я кожей чувствовала: я уже не та Яра, которая уезжала отсюда три дня назад. Та девушка осталась в лесу, в крошечной избушке под присмотром ворчливого Баюна. Здесь — плоская декорация, из которой нужно поскорее выбраться.

Дома первым делом — телефон в розетку. Пока он оживал, я стояла у окна. Панельки, забытые парковки, пыльные тополя. Три дня назад это было моей вселенной. Сейчас — картонные кулисы, которые забыли разобрать после спектакля.

Экран вспыхнул, и на меня обрушился град уведомлений. Отец, подруги... и Антон. Двадцать семь пропущенных. Цифра, от которой раньше сердце сделало бы сальто. Сейчас внутри шевельнулось только глухое беспокойство.

С отцом разговор вышел коротким и отрепетированным. «Уехала в деревню, связи не было, хотела побыть одна». Он помолчал — долго, тяжело. Он помнил бабушку и её «странности», и в его коротком «Предупреждай в следующий раз» слышалась не только тревога, но и старый, знакомый страх.

Антону я не перезвонила. Смотрела на его имя и не могла заставить себя нажать кнопку. Вместо этого заставила себя работать. Правки, клиенты, сроки — всё это казалось мелким и нелепым по сравнению с говорящим котом и мёртвым Афанасием. Буквы расплывались, превращаясь в древесные корни.

Он позвонил сам в половине десятого.

— Яра, ты где пропадала?! — голос сорванный, на грани. — Я обзвонил все морги, всех знакомых! Ты хоть понимаешь...

— Антон. Я дома. Всё в порядке.

— В порядке?! — Он осёкся, выдохнул. — Буду через полчаса.

Я посмотрела на себя в зеркало. Растянутая футболка, шорты, «дулька» на голове. Подумала секунду — и достала из шкафа шёлковый халат. Не ради него. Ради себя. Хотелось вернуть ощущение контроля, почувствовать себя нормальной женщиной в нормальном мире. Хотя бы на вечер.

На туалетном столике лежала подвеска — его подарок на день рождения. Я взяла её и поморщилась: металл потемнел и покрылся странными пятнами. Жуткое чувство скользнуло по позвоночнику. Я спрятала украшение в дальний ящик. Подальше.

Домофон зазвонил ровно через двадцать восемь минут. Пунктуальность — единственное, в чём Антон никогда не подводил.

Он влетел в квартиру — растрёпанный, с лихорадочным блеском в глазах. Замер в дверях и окинул меня взглядом. Но смотрел не так, как раньше. Не на меня — сквозь меня. Оценивал сохранность, а не человека.

— Заходи уж, — я постаралась улыбнуться. — Чего застыл?

— Ты... — он запнулся. — Ты что-то с собой сделала? Ты какая-то другая.

Я качнула головой, но под его слишком пристальным взглядом невольно запахла халат плотнее. Шёлк скользнул по плечу. Он заметил.

На кухне Антон вёл себя хозяином. Развернул стулья, сел напротив.

— А теперь подробности. Где ты была и что произошло? Никаких сказок про отдых, Яра. Я же вижу. Не вздумай мне врать.

Голос мягкий, почти ласковый, но внутри у меня всё сжимается в тугий узел. Он видит. Он — единственный в этом пластиковом городе, кто может понять. И я начинаю рассказывать: про бесконечный лес, про избушку, про ворчливого кота. Утаиваю только одно — свои сомнения насчёт него самого.

Пока я говорю, мир вокруг Антона начинает меняться. Нечто похожее я мельком видела у таксиста — серое свечение, которое тут же погасло. Здесь всё иначе. Вокруг Антона проступает густое, тревожное марево — бордово-фиолетовое, с резкими оранжевыми всплесками. Пульсирующее. Кричащее.

Меня обдаёт жаром, но через секунду всё пропадает. Очередная фишка новой силы. Я чувствую её где-то на периферии сознания — тяжёлую, горячую — но понятия не имею, как ею управлять. Она живёт сама по себе, открывая мне то, что я, возможно, предпочла бы не знать.

— Ну вот, — закончила я, когда слова иссякли. — Предупреждала, что звучит как бред.

Антон встал, налил воды. Стоял спиной ко мне, глядя в окно.

— Скажи... а дневник, о котором ты говорила... он здесь?

Холодный сквозняк пробежал по комнате. Или мне показалось.

— Да. Сейчас принесу.

В спальне я достала книгу из тумбочки. Кожа переплёта была тёплой, почти живой. Мне показалось, что дневник сопротивляется, не хочет идти на кухню. «Глупости», — одёрнула я себя. Антон — близкий человек. Единственный, кто верит.

Дневник, впрочем, был другого мнения. Но кто спрашивает книги.

Когда я вернулась на кухню, Антон стоял у раковины. Лицо мокрое — видимо, пытался привести себя в чувство холодной водой. Когда он потянулся к дневнику, рука на долю секунды дёрнулась, но он тут же взял себя в руки.

— Я тебе верю, Яра, — он улыбнулся одними уголками губ, но взгляд остался тяжёлым. — Убери его подальше. С глаз долой.

Я с облегчением подхватила книгу. Укутала в бабушкин кардиган, который до сих пор пах травами, и спрятала в самый низ прикроватной тумбы. Глухой звук закрывающегося ящика успокоил.

Плечи расслабились. Мир не рухнул. Он поверил. «Видишь, он хороший, — торжествуя шепнул внутренний голос. — А ты уже успела придумать ужасов».

Внутренний голос, как выяснится позже, был идиотом.

Старая пыльная бутылка — кажется, чей-то подарок столетней давности. Антон уже разлил коньяк по бокалам, и по кухне пополз терпкий, тяжёлый аромат.

— Откуда ты его выкопал? — спросила я, прислонившись к дверному косяку.

Минутное раздражение на то, что он так бесцеремонно хозяйничает на моей кухне, быстро сменилось свинцовой усталостью. Злость требует энергии, а у меня её не осталось. Хотелось просто выключить голову. Перестать анализировать ауры. Перестать слушать шёпот интуиции. Просто быть обычной девушкой, которая пьёт коньяк с красивым парнем на уютной кухне. Много ли надо для счастья? Оказывается — много. Но я об этом ещё не знала.

Я сделала шаг к столу и взяла бокал. Стекло холодило пальцы, а Антон смотрел на меня с такой странной смесью нежности и отчаяния, что я окончательно отпустила контроль.

Глоток. Коньяк обжёт горло, оставив странный привкус — горький, травянистый. На мгновение мелькнула мысль: «Странно». Но она тут же утонула в мягком тепле, разлившемся по телу. Тепло было ласковым и лживым, но я этого ещё не понимала.

Кухня стала меньше. Антон подошёл ближе, запустил пальцы в мои волосы.

— Ты стала очень красивой, Яра, — прошептал он. Голос обволакивал. Сердце подпрыгнуло. Всю жизнь я ждала этих слов. Именно от него.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но Антон едва заметно качнул головой. Придвинулся ближе, забирая всё пространство. Тишина навалилась — тяжёлая, липкая.

И я послушалась. Как всегда. Как всю жизнь слушалась чужих запретов и советов, лишь бы не оставаться одной.

— А как же Света? — последний слабый аргумент. Последняя попытка зацепиться за прежнюю реальность, где всё было понятно.

— Светы больше нет, — ответил он ровно, и в его голосе прозвучала пугающая финальная точка. — Я свободен.

— Что случилось? Но...

Договорить я не успела. Он молча притянул меня к себе. Всем телом, этим резким движением дал понять: обсуждать он не намерен. И я позволила ему эту тишину.

Его руки на моей спине — непривычно тяжёлые. Дыхание на шее обжигает. Я закрыла глаза, чувствуя, как коньячный жар окончательно туманит рассудок. Сопrotивляться не хотелось. Хотелось раствориться в этом моменте, даже если он — ложь.

А потом что-то изменилось. В его объятии проступила какая-то механическая, сухая жёсткость. На мгновение мне удалось заглянуть ему в глаза — и вместо тепла я наткнулась на ледяной, пустой расчёт. Он был не со мной. Он решал задачу.

Показалось. Списала на коньяк и нервы. Он целовал меня, и я заставила себя закрыть глаза, чтобы не видеть этого вымороженного взгляда. Сознательно погасила последние искры подозрительности. Но темнота, которая наваливалась, пахла не сном — химией и полыньёю.

— Ты пойдёшь со мной до конца, Яра? Несмотря ни на что? — его голос доносился из глубокого колодца.

— Да, — шепнула я, и это слово упало тяжёлым камнем в чёрную воду.

Мир качнулся. Колени подогнулись, и Антон подхватил меня. Он нёс меня в спальню, и сквозь вязкий туман я вдруг поняла: один бокал коньяка не превращает кости в кисель. Мозг отключался, но что-то другое внутри — древнее, дикое — вскинулось в полный рост.

Мягкость матраса. Пошевелиться не могу. Сознание, зажатое в тиски, мучительно ясно фиксирует каждое движение Антона. Слышу, как он отстраняется. Его тяжёлое, прерывистое дыхание — в нём нет нежности, только пугающая решимость.

Скрип. Сухой, отчётливый звук выдвигаемого ящика бьёт по ушам. Хочу крикнуть, вцепиться ему в горло, спросить «Зачем?!» — но губы неподвижны.

Шорох. Рванный, жадный звук выдираемых страниц. Каждое движение отдаётся физической болью — он рвёт не бумагу, а мою живую кожу.

Магия внутри бьётся о запертые двери сознания, выжигая вены холодным огнём. Я проваливаюсь в черноту под торжествующий скрип закрывающегося ящика. Антон уходит, унося с собой мою последнюю надежду на «нормальную» жизнь.

Но тьма не успевает поглотить меня полностью.

Сила распознаёт яд мгновенно — по телу проходит волна яростного жара, выжигающая химию с беспощадностью лесного пожара. Сознание возвращается резким, болезненным толчком. Входная дверь захлопывается — и этот звук выбрасывает меня на ноги.

Прошло от силы пара минут. Голова кружится, но я уже стою. Взгляд падает на тумбочку: ящик выдернут, бабушкин кардиган скомкан на полу, из переплёта дневника торчат белые ошмётки бумаги. Рваные, острые.

Он действительно это сделал. Выдрал страницы и ушёл.

— Антон! — голос срывается на крик.

Бросаюсь в прихожую, распахиваю дверь, вылетаю на лестничную клетку.

— Антон! Стой!

В ответ — тяжёлый, финальный хлопок подъездной двери где-то далеко внизу.

Замираю у перил, хватая ртом холодный воздух. В груди жжёт. Я ведь видела его ауру, видела бордовую тоску и сухой расчёт. Ему действительно было паршиво. Но он всё равно это сделал. У него была цель, которая оказалась важнее меня, и это осознание бьёт под дых сильнее любого яда.

Медленно возвращаюсь в квартиру. Дневник выпадает из дрожащих рук на пол. Понимание накрывает ледяной волной. Все знаки были перед глазами: оценивающий взгляд, всплески в ауре, коньяк, который он «нашёл» подозрительно быстро. Его нежность — ровно тогда, когда я пыталась включить мозг. Его «красивая» — ровно тогда, когда нужно было усыпить бдительность.

Я всё видела. Каждую секунду. Но так отчаянно хотела не быть одной, что сама скормила себе эту ложь, разжевала и проглотила. Выбрала верить, потому что правда была слишком холодной, а одиночество — слишком тяжёлым.

Сползаю на пол, прислонившись спиной к кровати. Тело не тронут. Он не взял даже того, что я готова была отдать даром. Ему это было не нужно. Я была не нужна. Только страницы.

— Ох, прости-прощай, дорогуша. Но это твоя вина. Целиком и полностью.

Я вскидываюсь, едва не взвизгнув. Голос идёт откуда-то из-под потолка — сухой, ворчливый, буднично-грустный. Рука сама хватается первое, что попадается — тапочек.

— Без рукоприкладства! — шипит голос.

— Покажись!

— Зачем кричать-то? Вот он я.

На краю высокого шкафа сидит человечек ростом с крупного кота. Лохматый, борода в три раза длиннее него самого, нос картошкой, на плече — лоскут старой мешковины. Сидит и смотрит на меня с таким выражением, с каким опытный врач смотрит на пациента, который проигнорировал все рекомендации и теперь удивляется результату.

— Кто ты? — прохрипела я, медленно опуская тапочек. Сил бояться уже нет. Лимит на удивление исчерпан. Говорящий кот, мёртвый дед с пирожками, колдовской дневник — ну конечно, домовый на шкафу. Логичное продолжение.

— Домовой, вестимо. У настоящей Яги и домового быть не может? Порядок должен быть. А у тебя тут... — он обвёл взглядом комнату и скривился так, точно ему предложили понюхать протухшую кашу. — Бардак. И в вещах, и в голове. Особенно в голове.

Я подняла израненный дневник и прижала к груди.

— Зачем ему это?

— Книгу целиком взять не смог, — человечек спрыгнул со шкафа бесшумно. — Заговорённый кардиган твоей бабки его не пустил. Обожгла бы ворюгу старая шерсть. А вот страницы... Ты его касалась, Яра. Твоя энергия на его пальцах осталась, она и стала пропуском. Считаю, ты сама ему дверь открыла.

Он помолчал и добавил с мрачным удовлетворением:

— Но книга ему всё равно отметину оставила. Ожог на всю ладонь. Пусть носит, мерзавец.

Я закрыла глаза. Стыд обжигал сильнее любого магического ожога. Сама доверилась. Сама выпила. Сама позволила.

— Ладно, мне пора, — старичок направился к тёмному углу. — Дел невпроворот. Один на три дома разрываюсь. Если понадобится — стукни три раза подряд и один короткий. Запомнила?

Я кивнула. Слов не было.

Домовой исчез, оставив меня в звенящей тишине пустой квартиры. Я сидела на холодном полу, чувствуя, как внутри застывает лёд.

Три стука и один короткий. Запомнила.

Всё старое сгорело этой ночью дотла. Пора возвращаться в лес — туда, где маски не нужны, а враги хотя бы не притворяются любимыми.

Глава 4

Пепел и клубок

Выдержка из Дневника Яги

Страница 47. О сущности: Леший (Хозяин Леса)

Древняя сила. Истинный лик Баланса в лесу. Его дыхание — прохладный ветер в кронах сосен. Его шаги — сухой треск валежника. Лес живет по его законам и умирает по его воле. Способен менять облик от гигантского бурого медведя до сгорбленного старика с глазами цвета мха.

Нрав: Суровый, но справедливый. Не прощает бессмысленного убийства зверей, осквернения родников и порчи молодых деревьев. Виновных заставляет блуждать кругами до полного истощения.

Связь с Хранительницей: *Древний союзник. Леший не подчиняется Яге, он существует параллельно с ней. Требует беспрекословного уважения и обязательного возврата долгов. Память Хозяина Леса длиннее человеческой жизни.*

Подношение: *Медная монета, брошенная на старый пенёк при входе в чащу. Краюха хлеба на лесной опушке.*

Антон

Дверь хлопнула слишком громко. Плевать. Вниз через две ступени. Через три. Пролёт, ещё один. Убраться из этой квартиры, пока она не проснулась. Избавиться от запаха лаванды, который въелся под кожу. От её доверчивого, сонного выдоха, когда она обмякла на руках.

Я вылетел на улицу. Темно, сыро. Остановился за мусорными баками, упёрся ладонями в колени. Воздуха не хватало, горло драло.

Идиот. Какой же я идиот.

Я ведь всё просчитал. Третья жертва — самый близкий человек. Ритуалу нужна реальная боль, а не постановка. Я с самого начала решил, что это будет мать. Да, мы не близки, но ближе у меня никого нет. Мать. Не Яра.

А потом она пропала на три дня. Я звонил двадцать семь раз. Врал себе, что это контроль, что мне нужно знать, где книга. Врал. Она открыла дверь в этом дурацком халате, с мокрыми волосами, и я на секунду забыл, зачем припёрся. Посмотрел в её глаза — и всё, провал. А потом вспомнил. И от этого стало ещё тошнее.

Я выпрямился, глядя на кирпичный угол дома. С размаху впечатал в него кулак.

Глухой хруст. Кожа содралась о шершавый камень. Пальцы онемели, по руке потекло тёплое. Боль ударила до локтя, и на секунду в голове прояснилось.

Привалился к стене, прижал разбитую руку к груди. Кровь закапала на асфальт — чёрные пятна в свете фонаря.

Думай. Давай, думай.

Она — Яга. Настоящая. Я видел, как она изменилась за три дня. Лицо, взгляд — с неё слетела вся городская шелуха. Она стала другой. Опасной. Я-то думал, у меня есть месяцы. Думал, она ничего не понимает, а дневник для неё останется набором бабушкиных сказок. Ошибся. Ей даже читать его не нужно — она чувствует его кожей.

Три дня в лесу — и у неё уже кот, связи и взгляд, от которого хочется спрятаться. Времени больше нет. Она поймёт, что я сделал, раньше, чем я успею закончить.

Я сжал здоровую руку в кулак. Две жертвы за спиной. Первая далась легко, я почти ничего не почувствовал. Вторая... Света. Её лицо, когда она поняла. Она мне доверяла. Яра тоже доверяла. Разница только в том, что Свету мне не было жалко.

Стоп. Хватит. Яра — препятствие. Противник, который пока не осознал свою силу. И чем дольше она будет в неведении, тем лучше для меня.

Страницы жгли грудь через внутренний карман куртки. Четыре листа. Ключ. Я обжёг пальцы, когда их вырывал — дневник сопротивлялся, бил током. Кардиган на нём светился в темноте, пришлось сдёргивать, преодолевая тошноту. Листы не давались, я драл их по одному, чувствуя, как кожа на ладонях пузырится от ожогов.

Но я их вырвал. Назад дороги нет. Две жертвы есть. Нужно три. Мать или... Нет. Не думать об этом. Только не Яра.

За спиной тяжело хлопнула железная дверь подъезда. И тут же сверху, из открытых окон лестничной клетки, долетел её сорванный крик:

— Антон!

Я рванул с места прежде, чем успел сообразить. Через двор, за угол дома. Не оглядываясь. Кроссовки били по мокрому асфальту. Разбитая рука пульсировала в такт шагам. Переулок, поворот. Влетел в какую-то арку и замер, вжавшись в тень. Прислушался.

Тихо. Не догнала. Слишком слабая ещё.

Я закрыл глаза. Перед лицом всё ещё стояли её губы. Она потянулась ко мне сама, а я подмешал ей в коньяк дрянь, которая вырубилась за десять минут. «Прости». Я ведь реально это сказал. Стоял над ней, спящей, с вырванными страницами в руках — и извинялся. Слабак.

Вытащил листы из кармана. Символы слабо мерцали в темноте переулка. Четыре страницы. Две жертвы. Одна впереди.

Сунул обратно, поглубже. Сжал зубы и пошёл к машине.

Яра

Утро не помогло. Я валялась на диване и пялилась в потолок, пока экран ноута не потух. Тело затекло, глаза резало от бессонницы.

Телефон лежал на полу экраном вниз. Я не трогала его три часа. Ни звонков, ни сообщений от Антона. Просто испарился. И это бесило сильнее, чем вырванные страницы. Если тебе нужен был только дневник — зачем весь спектакль с нежностью? Мог бы просто дать по голове в подворотне. Дешевле, честнее и без коньяка.

«Спи, — скомандовала я себе. — Завтра разберёшься».

И вырубилась.

Снова та самая поляна. Огромный дуб. Трава под босыми ногами — влажная и тёплая. На нижней ветке сидела птица. В прошлый раз я видела только тёмный силуэт, а теперь разглядела: тело грифа, голова орла. Огромная махина. Жёлтые глаза с вертикальным зрачком смотрели прямо в меня.

— Привет, — ляпнула я. Прозвучало жалко.

Птица медленно повернула голову.

— Ты наконец пришла, — голос раздался прямо в голове, тяжёлый и гудящий.

— Да. Я здесь.

— Зачем?

Отличный вопрос. Я сюда не напрашивалась. Просто доползла до дивана, вымотанная в край, с дырой внутри после вчерашнего. Но «я тут случайно, мне просто плохо» — не тот ответ, который говорят существу с размахом крыльев в полкомнаты.

— Извините. А как вас зовут?

Пауза.

— Симаргл.

— Я Яра.

— Я знаю, кто ты, Яга.

Он сказал это так веско, что спина сама выпрямилась. Здесь я что-то значила. Не «девочка с проблемами», не «удобная подруга» — Яга.

— Давно за тобой наблюдаю. Пора действовать, — тон Симаргла стал жёстче. — Идёт угроза. Только ты можешь её остановить. У тебя есть это лето, чтобы разобраться с обязанностями и навести порядок.

— Лето? — вырвалось у меня. — Всего три месяца?

— Их может оказаться куда меньше, — голос стал давящим. — События уже начались.

Я сглотнула. Меньше трёх месяцев. Прекрасно. Другие получают на новой работе хотя бы испытательный срок.

— А потом что? Война?

Симаргл коротко дёрнул головой.

— Узнаешь. Возьми плоды Древа Жизни. Они твои по праву. Используй с умом.

Я посмотрела на дуб. Среди листьев светились маленькие золотые яблоки. Семь штук. Потянулась к ближайшему. Гладкая, пульсирующая кожица. Сорвала одно, второе, третье... Забрала все семь. Просто сработал инстинкт: раз дают — бери. Потом разберёшься, зачем.

— Приходи через семь лун, — велел Симаргл.

Я кивнула, хотела спросить про Антона, но поляна уже таяла.

Я резко села на диване. Руки тянуло вниз тяжестью. Опустила глаза — и перестала дышать.

Яблоки. Три в правой руке, два в левой. Ещё два выкатились из пальцев на пол.

Мозг отказывался это обрабатывать. Я же спала. Смахнула с плеча настоящую еловую иголку. Часы показывали полдень.

Подняла плоды с пола. Прозрачные, почти стеклянные, внутри — крошечные золотые семечки. Густой сладкий запах. Во рту мгновенно скопилась слюна. Захотелось впиться зубами в светящуюся кожуру, сожрать всё прямо сейчас.

«Используй с умом».

Голос Симаргла отрезвил. Я сжала зубы и отодвинула яблоки. Откуда я знаю, что это? Откушу — и забуду своё имя. Или мутирую. Или стану ещё страннее, чем уже стала, а это, поверьте, задача нетривиальная.

Нашла старый льняной мешочек, сложила туда плоды и засунула в самый дальний угол кухонного шкафа, за пачки с крупой. С глаз долой.

Телефон так и валялся на полу. Пусто. Ни одного уведомления. Антон вне зоны, в соцсетях тишина. Я бросила мобильник обратно. Хватит. У меня в шкафу магические плоды, крылатый монстр требует спасти мир, а я проверяю, не написал ли мне парень, который накачал меня снотворным. Расставляй приоритеты, Яра.

Достала лёгкий сарафан, распустила волосы. Мне нужно было выйти из этой квартиры. Увидеть людей. Послушать глупые сплетни Марики и жалобы Полины. Отчаянно притвориться, что я всё ещё обычная Яра, у которой главная проблема — неудачный роман.

При встрече я едва не бросилась подругам на шею.

— Девчонки, ну наконец-то! Я так рада вас видеть!

Полина и Марика переглянулись. Совсем не радостно. С жалостью. Той особенной жалостью, которая означает, что сейчас будет больно.

— Эй, вы чего? Случилось что-то?

Полина под села ближе. Осторожно.

— Ярчик, дорогая, ты вообще нормально себя чувствуешь? — голос тихий, участливый. А глаза цепкие. — Что-то ты совсем сдала.

— Тебе бы к врачу, — вставила Марика.

Я моргнула.

— В каком смысле?

— Слушай, ну скажи честно: ты давно в зеркало смотрела? — перебила Марика. — Ты жутко изменилась. Постарела лет на десять. Вот, смотри, — она дёрнула меня за прядь волос. — Седина. Видишь?

Я машинально провела по волосам. Гладкие. Тёмные.

— Ну ладно, седина — бог с ней, — подхватила Полина. — А это что за бородавка рядом с губой? Раньше не было. Хотя... ты и раньше была не то чтобы красавица, скажем честно.

Она сказала это с улыбкой. Доброй и заботливой. И именно эта «забота» ударила наотмашь. Я вдруг отчётливо услышала, сколько яда в этой честности. Раньше бы проглотила. Улыбнулась бы. Поблагодарила бы за «откровенность». Но раньше — это было до леса, до

Баюна, до дневника. До того, как я узнала, что бывает настоящая жестокость — та, что с ножом и снотворным. На её фоне эта мелкая, бытовая разновидность выглядела почти комично.

— Извините, — бросила я и встала.

В туалете кафе я долго смотрела в зеркало. Моё лицо. Свежее, чистое. Кожа гладкая. Я выглядела в разы лучше, чем неделю назад.

Они ввали. Прямо мне в лицо.

Увидели, что я похорошела, и решили «приземлить». Вернуть на место удобную Яру, на фоне которой приятно самоутверждаться. «Ты и раньше была не то чтобы красавица». Внутри разгоралась злая, холодная ярость.

Я вернулась за столик. Села. Молчала. Теперь смотрела на них иначе. Заметила, как Марика скользнула взглядом по моей фигуре, и уголок её губ дёрнулся вниз. Неприязнь. Зависть. И я подумала: давно они так? Всегда?

Ответ был очевиден. Я знала и терпела. Улыбалась в ответ на жестокость, потому что боялась остаться одна. Ну, Яра, ну молодец. Просто талант — выбирать людей, которые тебя используют.

Под конец вечера я произнесла:

— Мне нужно уехать из города. По работе. Надолго.

Полина кивнула. Марика допила кофе. Ни одна не спросила — куда. Ни одна не сказала, что будет скучать.

Я ждала боли, но пришло только облегчение.

Уже прощаясь, я спросила:

— Кстати, про Стаса ничего нового?

— Ничего, — Полина покачала головой. — Но знаешь, что странно? Света тоже пропала.

Уже несколько дней ищут.

Гул кафе превратился в шум в ушах.

— Что значит — пропала?

— Исчезла. После того как они с Антоном расстались. Говорят, она его бросила, ей было плевать на пропажу Стаса. Сначала полиция на Антона подумала, но у него алиби. Был в участке, давал показания.

Для них это была сплетня к десерту. Для меня — нет.

«Светы больше нет». Его голос. Спокойный. Тогда, на кухне, я решила, что они просто разбежались. А если он имел в виду буквально?

Стас пропал. Света пропала. Антон был рядом с обоими. А потом пришёл ко мне.

Я быстро зашагала по улице. Больше прятать правду от самой себя не получалось. Совпадений было слишком много. И все вели к Антону.

Антон. Прошлое

Ворон пришёл в четверг.

Мать была в вечерней смене, квартира — в моём полном распоряжении. Глухая тишина, пустой холодильник и тарелка холодной гречки на столе. Мне девятнадцать. Второй курс, подработка в баре по выходным. День сурка.

Я привык не обращать внимания на странности. На тени в углах, которые ломались под неправильным углом. На шёпот в пустых подъездах. На чужие лица в оконных стёклах. В детстве мать срывалась на визг, если я заикался об этом. Орала, что я всё придумываю. Я научился затыкаться.

И ещё была книга. Единственное, что осталось от отца. Мать никогда не говорила этого прямо, но я знал. Она прятала её на нижней полке шкафа, за зимними куртками. Тяжёлая, в кожаном переплёте. Страницы исписаны символами, от которых начинала ныть голова. Я

нашёл её лет в двенадцать. Пытался понять, что там — глухо. Прятал обратно, а через месяц снова доставал. Тянуло.

Накануне в баре я чуть не вылетел с работы. Уронил поднос с бокалами, потому что за спиной посетителя вымахала тень с длинными вывернутыми руками. Пора было с этим что-то делать.

Звонок в дверь раздался, когда я доедал ужин. Глянул в глазок. Мужчина в тёмном пальто. Возраст не угадать — то ли сорок, то ли все шестьдесят. Лицо сухое, одни скулы. И глаза. Абсолютно чёрные.

Инстинкт самосохранения вопил: не открывай. Я повернул замок.

— Антон? — голос ровный, тихий. Не вопрос — проверка.

— Вы кто?

— Меня зовут Ворон. Я знал твоего отца.

Слово «отец» резануло. У меня его не было. Мать обрывала расспросы. В детстве я фантазировал, придумывал ему героические профессии, а потом просто выжег эту тему. Привык жить с дырой внутри. И только нечитаемая книга на дне шкафа не давала забыть окончательно.

Ворон прошёл на кухню без приглашения. Сел за стол, положил длинные пальцы на клеёнку.

— Чайник поставишь?

Я включил газ. Спиной чувствовал его взгляд.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я многое знаю, — Ворон не сводил с меня глаз. — Сядь, Антон. Разговор будет долгий.

Я опустил на табуретку.

— Ты видишь то, чего нет, — сказал он. Не спрашивал — утверждал. — Тени. Лица.

— Откуда...

— Потому что я тоже их вижу.

Он медленно поднял руку и щёлкнул пальцами. Тень в углу кухни дёрнулась и растаяла. Меня обдало холодом.

— Это не болезнь, — продолжил Ворон. — Это твоя кровь. От отца. Мать не в курсе. Она до сих пор верит, что он был обычным человеком, который просто сбежал. Оставил ей только непонятную рукопись.

Чайник засвистел. Никто не шелохнулся.

— Кто он? — я сам не узнал свой голос.

— Его зовут Владимир. У тебя его взгляд.

Владимир. У дыры внутри появилось дно.

— Где он?

Ворон встал, выключил газ, сам налил себе кипятка.

— Заперт. Давно и не по своей воле.

— В тюрьме?

— В Нави. Это место... не здесь. Но ты его чувствуешь. Граница между мирами для тебя всегда была прозрачной. В сказках его называют Кошчем. Идиотское прозвище. Одна из прошлых Яг заперла его там, и барьер держится до сих пор.

Я молчал. Секунду. Две. А потом нервно усмехнулся. Сказки. Кошей. Навь. Мужик просто поехавший. Фокусник, который где-то услышал моё имя.

— Знаете что, — я резко встал. Табуретка с визгом проехала по линолеуму. — Разговор окончен. Дверь там.

Ворон даже не пошевелился.

— Ты мне не веришь.

— Я верю, что у вас три секунды, чтобы свалить.

— Принеси книгу, Антон. Ту, что мать прячет за зимними куртками. В кожаном переплёте.

По спине потёк липкий пот. Никто не мог этого знать.

Я попятился в коридор, открыл шкаф. Руки дрожали, когда вытаскивал тяжёлый том. Вернулся на кухню, бросил книгу на стол.

Он не коснулся её. Просто кивнул:

— Открой седьмую страницу. Ты всегда открываешь её первой. Приложи ладонь.

Я посмотрел на него, потом на страницу. Осторожно прижал пальцы к выцветшей бумаге.

Символы дрогнули. Под кожей вспыхнуло обжигающее тепло. В голове раздался низкий гул — удар колокола прямо внутри черепа.

Я отдернул руку. Сердце колотилось.

— Она реагирует на кровь, — спокойно сказал Ворон. — На его кровь в твоих венах. Я не сумасшедший, Антон. И ты тоже.

Я медленно осел на табуретку. Смотрел на свои подрагивающие пальцы. Тени, книга, моя ненормальность — пазл сошёлся. Многолетняя рана перестала ныть, потому что в неё наконец вставили недостающий кусок.

— Зачем вы здесь? — голос хриплый.

Ворон подался вперёд.

— Барьер можно сломать. Нужен правильный ритуал. Разрыв ткани реальности. Три жертвы. И кто-то по эту сторону, кто готов открыть дверь и вернуть отца.

Я снова посмотрел на свои руки. Отцовские руки. Всю жизнь я был никем. Парнем без прошлого. А теперь мне предлагали семью.

— Что нужно делать?

Ворон усмехнулся.

Яра

Дома я работала. Проект — дизайн, вёрстка, правки — ушёл быстрее, чем ожидала. Телефон лежал в прихожей, на полке. Больше не проверяю. Пусть Антон катится к чёрту. Столько нервов на человека, который подмешал мне дрянь в коньяк и вырвал страницы. Доверилась. Идиотка.

К вечеру вспомнила, что не ела. Захотелось устроить праздник. Маленький, тихий, свой. Любимая кружка с отколотым краем. Хрустящие хлебцы, масло, джем. Посмотрела на этот стол и поняла: кусок в горло не полезет в пустой квартире.

Три стука. Пауза. Один короткий.

Тишина. Потом — шорох, тяжёлый звук прыжка с полки.

— Ох ты ж, — раздался старческий голос. — Это что, всё мне?

Кузьма материализовался на табуретке — маленький, растрёпанный. Хитрые глазки уставились на стол с выражением, которое я последний раз видела у ребёнка в кондитерской.

— Угощайтесь, — сказала я.

Он не заставил себя ждать. Ел жадно, сосредоточенно, прихлёбывая чай прямо из блюда.

— Масло! Настоящее! Столетия такого не пробовал... А джем? Сама варила?

— Из магазина.

— Всё равно великолепно.

Я смотрела, как он ест, и чувствовала — внутри оттаивает напряжение. Медленно, по капле. Удивительное дело: за последнюю неделю мне стало проще с говорящим котом и домовым, чем с живыми людьми. Что это говорит обо мне — или о людях — я предпочитала не думать.

— Кузьма, — начала я осторожно. — Сегодня подружки сказали, что я постарела. Резко. Седина, бородавки. А я смотрю в зеркало — ничего. Даже лучше.

Кузьма фыркнул в бороду и посерьёзнул.

— Бывает такое с вашими Ягами. Ты ведь кто? Сторож. Привратница. Стоишь на границе между Явью и Навью. Для тех, кто крепко привязан к Яви — к миру людскому — ты выглядишь старой. Ветхой. А для тех, кто ближе к Нави — наоборот: молодая, сильная, сияющая. Одним — бабка, другим — красавица. Вот такая судьба.

В горле пересохло.

— То есть это навсегда? Всё? Нормальной жизни конец?

— Похоже на то, — вздохнул Кузьма. — Хотя слышал про средство... временное. В книгах покопаешься — может, найдёшь. Книга сама тебе откроет, когда придёт время. Дар раскрывается постепенно.

Замечательно. Дар раскрывается постепенно. Инструкции нет. Техподдержка — домовый на полставки и кот с характером. Ну, Яра, добро пожаловать в новую жизнь.

Кузьма хлопнул меня по плечу мягкой ладонью. Я достала из буфета последнюю банку вишнёвого варенья. Он просиял.

Мы сидели долго, пока он не замолчал, уставившись в угол.

— Яра. Ту вещицу, что подарил тебе этот прохвост — немедленно выброси. На ближайший перекрёсток. Не касайся голыми руками. Она несёт зло.

Подвеска.

— Кузьма, подожди...

Но его уже не было. Табуретка пустая. Блюдец вылизано до блеска. Домовой на три дома — график плотный, не до церемоний.

Я взяла кухонное полотенце. Завернула украшение, не глядя. Металл даже сквозь ткань отдавал могильным холодом. Куртка. Кроссовки. Лестница.

На перекрёстке развернула свёрток. Подвеска блеснула в свете фонаря — тускло, жутко. Положила на асфальт. Прямо в центр, где сходятся четыре дороги.

— Иди куда хочешь. Только не ко мне.

Выпрямилась и пошла домой. Полотенце выкинула в мусорный бак.

Кто третий?

К горлу подкатила тошнота. Разум методично раскладывал факты: Антон не просто вор. Стас пропал. Света пропала. Вырванные страницы — ритуал и три жертвы. Он их убил.

Я достала дневник. Нашла страницу о яблоках — молодильных, дарующих силу на двенадцать часов. Усмехнулась. Криво, зло. Легла не раздеваясь прямо на покрывало и плакала долго, пока не провалилась в тяжёлый сон.

Проснулась к полудню. Лицо отёкшее. Нужно собираться. Решить, что взять в лес, и захватить к отцу.

К отцу — значит, яблоко. Достала мешочек. Откусила. Сок брызнул — медовый, густой. Жар ударил в желудок и разлился по венам. Мгновение — и тяжесть ушла из спины. Посмотрела в зеркало. Та самая Яра — молодая, яркая, живая. Двенадцать часов. Таймер запущен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.